

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
91, rue du Faubourg Saint-Denis,
PARIS-10e. TAF 13-16
«LA PENSÉE RUSSE»
C.C.P. 5883-11, PARIS.

Редактор
С. А. ВОДОВ

MARDI, JEUDI et SAMEDI

Выходит по ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ и СУББОТАМ

ОСНОВАТЕЛЬ В. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Directeur
Serge VODOFF

Прием по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 10 до 18 часов,
кроме суббот и воскресений.
В экстренных случаях
Звонить в типографию: MEN. 01-29

„Здравствуй, новая жизнь!“

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

ТАКИМ мажорным восклицанием “вечный студент” Петя Трофимов (“Вишневый сад” А. П. Чехова, 4-е действие) отвечает Ане, прощающейся со старым домом, с вишневым садом, со старой жизнью.

И услужливые советские литературоведы утверждают, в связи с этим возгласом Пети: “Она настала, эта жизнь, о которой мечтал Петя и другие чеховские герои, воплощенная в новые формы жизни в России и народных демократиях!”

И хочется в ответ на эти дешево продаваемые утверждения воскликнуть: — Боже, какое убожество! Разе можно *так* понимать Чехова?!

Советские литературоведы, вообще, в творчестве А. П. Чехова не видят ничего, кроме обличения писателем мещанства, пошлости и обывательщины.

Такое (ставшее стандартным, как и все стандартизируется в СССР) определение творчества писателя читаем мы и в новей-

ших учебниках по истории русской литературы, и во вступительных статьях к отдельным произведениям и собраниям сочинений Чехова, выходящим в советских издательствах, и в статьях советских энциклопедических словарей под именем писателя.

Совершенно не отмечается или отмечается так робко, что внимание читателя не задерживается на этом, тот факт, что А. П. Чехов был величайшим писателем-гуманистом, что вся писательская деятельность его — это зов читателей к светлым целям и к светлому будущему, что Чехов был жизнеустремленным писателем и проводником радостной жизни.

Вместо этого все советские работы о Чехове непрестанно талдычат только о том, что Чехов был-де “разоблачающим мещанскую психологию” бытописателем, борцом с “мещанской психологией, либерально-народническими иллюзиями, толстовством и буржуазным либерализмом”, — и эта “стандартная жвачка” о творчестве Чехова повторяется *там* изо дня в

день на протяжении более сорока двух лет.

Между тем, жизнеустремленный призыв писателя, его зов к светлым целям и к светлому будущему с особой силой звучал в последние, заключительные, так сказать, *итоговые* годы творчества А. П. Чехова (1896—1904 гг.), когда он почти полностью переключился на создание драматических произведений и создал — до сих пор волнующие читателя и зрителя, не устаревшие, несмотря на изменившуюся под влиянием большевистского эксперимента жизнь в России, — такие пьесы, как “Чайка”, “Дядя Ваня”, “Три сестры”, “Вишневый сад”.

В трех последних пьесах звучит с особой силой чеховская вера в светлое будущее людей.

Работающие под гнетом партийного заказа советские литературоведы предпочитают или вовсе не замечать этой звонкой ноты в творчестве Чехова, проходя мимо нее, или грубо приспособляют высказывания великого гуманиста, жизнелюбца и жизнеценителя о счастливом будущем человечества —

к советской эпохе, к ее примитивизму, представляя ее читателям словами:

“Она настала, эта жизнь, о которой мечтал Чехов, воплощенная в новые социалистические формы в жизни России и народных демократий”.

Разве о такой *будущей* жизни мечтал А. П. Чехов, свободолюбивый человек, высмеивавший “общую мерку” для всех людей, оказавшуюся главным современным достижением большевизма, провозглашавший в своем творчестве свободу человеческой личности, свободу творчества, то-есть все то, что отсутствует в современной Советской России, протестовавший против безвкусицы жизни, которая как раз махрово расцвела в СССР, взращиваемая очередными диктаторами — Лениным, Сталиным, Хрущевым.

В 4-м действии пьесы “Дядя Ваня” доктор Астров говорит:

— Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас, и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, — те, быть может, найдут средство быть счастливыми. —

А раньше, в 1-м действии пьесы, рассказывая Елене, Соне и дяде Ване о своем увлечении ле-

сонасаждением, он заявил:

— Если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. —

А. П. Чехов на пороге нашего века считал, что условия жизни в тогдашней России не могли сделать счастливыми *всех* людей, что счастье именно *всех* людей должно считаться идеалом земной жизни, — и устами того же вечного студента” Пети Трофимова говорил:

— Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы (2-е действие “Вишневого сада”). —

И если тогда взгляд Чехова на жизнь в России был не очень радостным, то неужели же теперь жизнь в СССР — после стольких “кровопусканий”, издевательств над людьми и их свободой — он признал бы тем идеалом, к которому он, и как писатель, и как человек, стремился и звал в своем творчестве *всех* людей и, в первую очередь, — большинство, неудовлетворенное жизнью?

Если еще тогда, в 1903-м году (год создания “Вишневого сада”) Чехов считал, что “мы отстали, по крайней мере, лет на двести, у нас еще нет ровно ничего...” (реплика Пети Трофимова во 2-м действии), то сейчас в самом советском лозунге (“план Хрущева”) —

“догнать Америку и западные страны” — звучит опять то же подтверждение, что “мы отста-ли...” и, если у СССР, как у государства, есть Лунники, атомные ледоколы, сверхдальнего полета ракеты и водородные бомбы, то у народа этого государства “еще нет ровно ничего...” И в, первую оче-редь, нет той свободы и жизнен-ной радости, о которой постоянно говорил Чехов и к чему он звал всех, а не избранных.

Поэтому никак нельзя признать добросовестным подсовывание чи-тателям “догадки” о том, что сво-бодолюбец и жизнелюбец А. П. Че-хов мечтал именно о такой жиз-ни, которая теперь воплощена в советскую систему с диктатурой партии, порабощением творчества и человеческой личности, с возве-денной в культ всеобщей стандар-тизацией и с тем духовным гне-том, который испытывает самый простой человек в СССР даже в 1960 году.

Советско-партийная система от-носится весьма благосклонно к са-моотожествлению с идеалами А. П. Чехова, она с готовностью и наглой поспешностью присваивает их себе, утверждая, что писатель именно и только в этой системе видел светлую и радостную жизнь.

На это бессовестное присвоение

партийно-советской системой СССР высказываний А. П. Чехова, — хорошо отвечает он сам словами, вложенными им в уста подполков-ника А. И. Вершинина (4-е дей-ствие “Трех сестер”):

— Жизнь тяжела. (А разве она легка в СССР? А. У.). Она пред-ставляется многим из нас глухой и безнадежной (и в СССР именно — глухая и безнадежная жизнь у подавляющего большинства лю-дей! А. У.), но все же, надо со-знаться, она становится все яснее и легче, и, повидимому, *недалеко то время, когда она станет со-всем светлой* (подчеркнуто мною. А. У.). —

Как и доктор Астров, как и Пе-тя Трофимов, Вершинин чувствует то же самое, что и они, утверж-дая в 1-м действии “Трех сестер”:

— Через двести — триста лет жизнь на земле будет невырази-мо прекрасной, изумительной. —

Не только в нашей стране, а — *на всей земле!*

И он же поясняет это свое ут-верждение во 2-м действии.

— Мне кажется, все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести—триста, наконец, тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая счастливая жизнь.

Словами доктора Астрова, под-

полковника Вершинина, студента Трофимова А. П. Чехов высказы-вает свою убежденность, что и Россия, и весь мир, пройдя через испытания, многое пережив, изме-нятся так, что каждый человек в мире станет счастливым челове-ком, а жизнь станет новой.

Так верил писатель, и, в осо-бенности, в последние годы перед безвременной своей смертью, и рассчитывал не на короткие сро-ки, — эти мировые перемены, по его мнению, должны будут про-изойти не сегодня, не завтра, а “через двести—триста, наконец, тысячу лет”.

Вероятно, — даже более, чем вероятно, — А. П. Чехов оказал-ся провидцем, — об этом будем судить уже не мы, а те, которые придут нам на смену “через две-сти—триста, наконец, тысячу лет”.

Сроки, конечно, долгие, но и долгие сроки в исторической пер-спективе являются лишь мгнове-ниями.

Бедным, несчастным в наш век людям следует только терпе-ливо выполнять свой долг, памя-туя, что “если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко...” будем виноваты и мы, перенесшие те войны, и больше-визм, и атомные открытия, и ли-

шение родины, и близких, и ужа-сы и страхи жизни, и несправед-ливости, и угнетение, и...

Не о большевицком эксперимен-те в России и его угрозе распро-страниться по всему миру, не о всемирной коммунистической ре-волюции, конечно, мечтал А. П. Чехов, а о той новой жизни, когда человек будет вполне свободен, ко-гда ни для кого не будет безвкус-ной жизни.

Вместе с А. П. Чеховым — в столетний юбилей со дня рожде-ния в захолустном Таганроге, пи-сателя-гуманиста, прославившего-ся в наши дни на весь мир, — мечтаем и мы о той радостной и свободной жизни, творчески-сво-бодной, о которой мечтал он, и, пользуясь ныне свободой, хотя бы и вне своей родины, не можем не высказать гневного протеста про-тив присвоения большевизмом жиз-ненных идеалов А. П. Чехова.

В который раз перечитываются взволнованно нами эти чудные строки:

“Аня. Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!”

“Трофимов. Здравствуй, новая жизнь!”

(“Вишневый сад”, 4-е дейст-вие).

Алексей Угрюмов